

Семен ЭКШТУТ, доктор философских наук

«В мундирах выпушки, погончики, петлички»

День 14 декабря 1825 года изучен историками досконально — с точностью до четверти часа. Не обойдены вниманием и предшествующие события. Одно только библиографическое описание работ, посвященных движению декабристов, занимает не-

сколько увесистых томов. Выпущены прекрасные альбомы и комплекты открыток с живописными и графическими портретами членов тайных обществ. Почти все дошедшие до нашего времени изображения декабристов выявлены, изучены, атрибутированы,

А. О. Орловский. Портрет подпоручика Павла и корнета Владимира Пестелей. Июнь 1813 г.

воспроизведены, и кажется, что никакие открытия уже невозможны. Это впечатление обманчиво. «Случай ненадежен, но щедр», — любил повторять Натан Яковлевич Эйдельман. Недавно я в очередной раз убедился в справедливости этих слов.

В декабре 2003 года в залах графики Государственной Третьяковской галереи открылась выставка «Любимцы моды легкокрылой». Экспонировалось более 200 рисунков и 30 скульптур. Посетители галереи увидели блистательные работы Кипренского, Орловского и Федора Толстого, хранящиеся в запасниках Третьяковки. Акварель Александра Осиповича Орловского¹, на которой художник изобразил двух всадников Александровской эпохи, сразу же привлекла мое внимание.захотелось определить, в униформе каких полков изображены всадники. Вспомнились знакомые со школьных лет строки из комедии Грибоедова.

Х л ё с т о в а

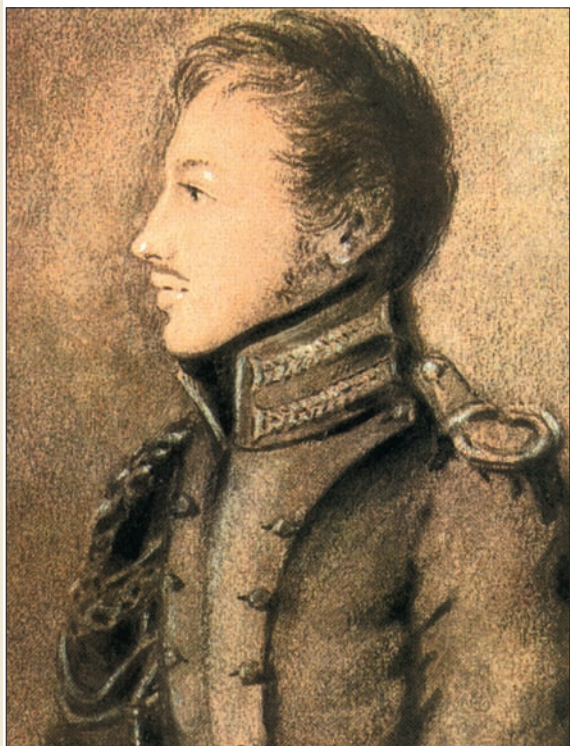
Не мастерица я полки-та различать.

С к а л о з у б

А форменные есть отлички:

В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Имена молодых кавалеристов не были указаны, но один из персонажей художника мне показался хорошо знакомым. Я вспомнил профильный портрет молодого Павла Ивановича Пестеля, созданный его матерью Елизаветой Ивановной. Оригинал до нас не дошел, сохранилась только копия М. М. Успенского, сделанная в 1929 году. Этот небольшой рисунок (8,1x7,2 см) выполнен тушью, акварелью, карандашом и белилами. Копиист воспроизвел подписи, имевшиеся на оригинале: «Elizabeth de Pestel del. — Le 2 Mai 1813»³. Следовательно, оригинал был создан 2 мая 1813 года — накануне отъезда Павла Ивановича из Петербурга в армию или же в сам день отъезда. Сходство этого портрета с акварелью Орловского несомненно. Художник изобразил не просто офицера, а генеральского адъютанта. Его форменная треугольная шляпа надета не прямо, как надежало носить ее по уставу, а с *поля* — углом вперед; такое ношение форменной шляпы было дозволено только чинам императорской свиты и адъютантам. Во время Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов у офицеров-щеголей появилась мода надевать шляпу с

Павел Иванович Пестель.
Копия М. М. Успенского с оригинала
Е. И. Пестель 1813 года. 1929 г.

Павел Иванович Пестель.
Фрагмент акварели А. О. Орловского.

походах русской армии. Награжденный за Бородинскую битву золотой шпагой «За храбрость» и произведенный в январе 1813 года в подпоручики лейб-гвардии Литовского полка, Пестель уже в мае прибыл в действующую армию, где сразу же стал служить адъютантом генерала от кавалерии графа П. Х. Витгенштейна. Павел Иванович заблаговременно узнал о новом назначении и, судя по рисунку его матери, еще в столице надел адъютантскую форму, украшенную аксельбантом. Официально его назначение было оформлено спустя несколько месяцев. Высочайшим указом от 20 января 1812 года запрещалось избирать в генеральские адъютанты офицеров ниже поручика, вот почему приказ о назначении Пестеля адъютантом Витгенштейна был подписан только 14 августа 1813 года, через 4 дня после его производства в чин поручика⁶. Итак, Орловский нарисовал Павла Пестеля.

Но кто же второй всадник? И почему художник изобразил этих двух офицеров вместе? Какая сюжетная связь существует между ними? Если бы я не смог ответить на эти вопросы, то все мои предшествующие рассуждения при всей их непротиворечивости были бы всего лишь удачной попыткой подогнать решение задачи под заранее заданный ответ. Униформа второго всадника подсказала правильное и единственно возможное решение задачи. Обмундирование всадника: его каска, коллет, перчатки с крагами, серые походные рейтузы, наконец, палаш — все это говорит о том, что он служит в кирасирах, то есть в тяжелой кавалерии. Это кирасир-гвардеец. На его голове каска из черной лакированной кожи, все металлические части каски покрыты позолотой, на налобнике укреплен накладная серебряная Андреевская звезда. У армейских кирасиров на налобнике выштамповывался двуглавый орел. Эта же звезда изображена на чепраке и чушках его гнедой лошади⁷. На плечах всадника хорошо видны серебряные обер-офицерские эполеты без бахромы, а на красном воротнике его мундира — две шитые серебром петлицы. Перед нами молодой кавалергард — обер-офицер Кавалергардского полка. У «сибирского сатрапа» Ивана Борисо-

вича Пестеля было четверо сыновей и одна дочь. Известно, что его второй сын Владимир 3 июня 1813 года был пожалован корнетом в Кавалергардский полк, после чего молодой офицер вслед за старшим братом незамедлительно отправился из Петербурга в армию и принял участие в Заграничных походах⁸. До наших дней дошла фототипия с портрета таврического губернатора генерал-лейтенанта В. И. Пестеля. Портрет был написан не ранее начала 1850-х годов. Пожилой генерал изображен в том же ракурсе, что и юный корнет. Это обстоятельство облегчило идентификацию акварели Орловского.

Можно предположить, что накануне отъезда младшего сына в армию родители только что произведенного корнета заказали модному портретисту Орловскому акварельный портрет братьев, которым предстояло вместе сражаться. Корнет Владимир Пестель мог позировать художнику, а его старший брат — нет. Вместо него привлекался кто-то из кавалергардов, товарищей Владимира. Этим и объясняется та живость, с которой нарисованы лошади, на которых восседают братья Пестели. Орловский любил и умел рисовать лошадей: «У меня главное — природа, я рисую ту лошадь, которую вижу, и сажаю на нее кого придется — Наполеона так Наполеона, калмыка так калмыка⁹. В данном случае на лошадь с чепраком и чушками Кавалергардского полка был посажен обер-офицер лейб-гвардии Литовского полка Павел Пестель, лицо которого бы-

поля, что было несомненным нарушением устава. Однако изображенный Орловским всадник к их числу не относился: на его правом плече хорошо виден отличный знак адъютантского достоинства — золотой аксельбант. Козьма Прутков говорил: «Нет адъютанта без аксельбанта»⁴. Аксельбант закреплен на плече вместо правого эполета. Эполет на правом плече адъютанты станут носить начиная с 1814 года. Две длинные петли аксельбанта и его две косицы с металлическими наконечниками зацеплены за вторую и третью сверху пуговицы полкового мундира. Это мундир обер-офицера лейб-гвардии Литовского полка. Об этом говорят золотой эполет без бахромы на левом плече, особое гвардейское золотое шитье в виде двух петлиц на красном воротнике мундира и красный лацкан уланского образца. В рядах лейб-гвардии Литовского полка прапорщик Пестель сражался на Бородинском поле. «Полки Измайловский и Литовский, в достопамятном сражении 26-го августа, покрыли себя в виду всей армии неоспоримой славою»⁵, — рапортовал генерал П. П. Коновницын фельдмаршалу князю М. И. Кутузову. Уже в конце дня Павел Иванович был ранен в ногу ружейной пулей, ему раздробило кость и повредило сухожилие. Рана оказалась тяжелой и долго не закрывалась: в течение всего 1813 года из нее выходили мелкие косточки. Однако это обстоятельство не помешало старшему сыну сибирского генерал-губернатора принять участие в Заграничных

Владимир Иванович Пестель.
Фрагмент акварели А. О. Орловского.

Владимир Иванович Пестель. Сборник
биографий кавалергардов. Т. III.
СПб. 1906. С. 258.

ло перерисовано художником с уже известного нам портрета работы Елизаветы Ивановны.

«Быстрый карандаш» Орловского всегда верно передавал выразительные приметы духа времени, но иногда художник неточно изображал детали униформы, допуская погрешности в прорисовке третьестепенных деталей. «Ленивый-преленивый» — так аттестовал его цесаревич Константин Павлович, недовольный нерадением художника и его промахами. Хотя Орловский долгое время состоял придворным живописцем и официальным баталистом Константина Павловича, имел мастерскую в его Мраморном дворце, он так и не сумел избавиться от этого недостатка. Именно этим обстоятельством и объясняется ряд неточностей, которые знаток униформы способен увидеть на акварели Орловского. Лейб-гвардии Литовский полк был полком пехотным, но его верховым чинам надлежало снаряжать своих лошадей строго определенным образом: чепраки и чушки должны были быть темно-зеленого сукна с красной выкладкой, обшитой по краям золотым галуном. А чепрак и чушки лошади Павла Пестеля кавалергардские — красного цвета с черной выкладкой, обшитой по краям серебряным галуном. Неверно изображен и обшлажной клапан на рукаве мундира лейб-гвардии Литовского полка: вместо темно-зеленого с тремя золотыми петлицами и пуговицами нарисован красный и без петлиц. Из трех пуговиц на клапане застегивали только две, а у Орловского застегнуты все пуговицы. Петлица на треугольной шляпе Павла Ивановича обшита узкой полоской серебряного галуна, что соответствовало приборному металлу кавалергардов. У литовцев же приборным металлом было не серебро, а золото, поэтому не только аксельбант, эполет, петлицы,

пуговицы, но и галуны на шляпе Павла Пестеля должны были быть нарисованы золотым. (Это обстоятельство неопровержимо свидетельствует в пользу моей гипотезы: вместо самого портретируемого художнику позировал кто-то из кавалергардов.) В наши дни все эти подробности интересны и досконально известны только очень узкому кругу специалистов. Иначе обстояло дело в начале XIX века, когда художнику нужно было сдать работу заказчику. Орловский долго работал над картиной «Переход русских войск через Альпы», но уже законченная работа была забракована начальником Главного штаба Его Императорского Величества князем Петром Михайловичем Волконским. Князь заметил, что на солдатских мундирах одной пуговицей больше, чем полагается. «В негодовании художник разрезал плод своего многомесячного труда на мелкие куски»¹⁰. Если бы Орловский писал не камерный, а

официальный парадный портрет братьев Пестелей, то педантичный заказчик заставил бы его изменить изображение и привести цвет в соответствие с нормой, но родители хотели сохранить в памяти облик ушедших в поход сыновей и, не обратив внимания на неточности, приняли работу.

Наш современник видит на этой акварели прежде всего двух нарядных офицеров, а современник Орловского по некоторым неуловимым для нас деталям был способен понять разницу между этими щеголеватыми гвардейцами. Кавалергард еще не нюхал пороха и во всем следует уставу, а пехотинец литовец уже успел принять участие в боях. Он отпустил усы, ношение которых было дозволено только офицерам легкой кавалерии — гусарам и уланам. Пехотным офицерам ношение усов было запрещено, но во время ведения боевых действий офицеры игнорировали этот запрет¹¹. Строевым оружием литовца была пехотная шпага, а он вооружен саблей кавалерийского образца — это нарушение установленной формы вошло в обиход у боевых офицеров, участников кампании 1812 года.

Орловский оставил несколько тысяч рисунков. «Его рисунки — художественный дневник целой эпохи романтической и увлекательной»¹². Мы прочли одну из самых интересных страниц этого дневника. Братья Пестели еще вместе. Их пути еще не разошлись. Пройдет 13 лет — и 13 июля 1826 года полковник Павел Пестель будет повешен как государственный преступник, а на следующий день полковник Владимир Пестель будет пожалован званием флигель-адъютанта императора Николая I... Орловский не просто нарисовал двух офицеров, а создал символический образ целой эпохи, о которой Пушкин сказал с исчерпывающей краткостью: «Дней Александровых прекрасное начало».

Примечания

1. Орловский А. О. (1777–1832) — русский и польский художник. Обучался живописи в Варшаве, участвовал в восстании Тадеуша Костюшко. В 1802 г. приехал в Петербург и вскоре получил должность придворного живописца великого князя Константина Павловича и мастерскую в Мраморном дворце. Орловский создал серию портретов героев 1812 года.
2. Грибоедов А. С. Горе от ума. М. 1987. С. 89. Я выражаю искреннюю признательность А. М. Вальковичу за предоставленные сведения о деталях униформы русской армии.
3. А. С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX века. Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Л. 1987. Альбом № 85, каталог

№ 212.

4. Сочинения Козьмы Пруткова. М. 1987. С. 100.

5. Бородино: Документальная хроника. М. 2004. С. 236–237.

6. Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М. 2004. С. 841; Декабристы: Биографический справочник. М. 1988. С. 141.

7. Чепрак — декоративное покрытие из сукна под седло лошади. Чушка — декоративная суконная покрывка для седельной пистолетной кобуры. Чепрак и чушки имели одинаковые цвета, отделку и украшения.

8. Декабристы... С. 141.

9. Русское искусство: Очерки о жизни и творчестве художников. Первая половина девятнадцатого века. М. 1954. С. 183.

10. Там же. С. 187. Мелкие неточности, допущенные Орловским в изображении униформы Литовского полка, следует объяснить тем, что этот гвардейский полк был сформирован только в ноябре 1811 года, а уже в марте следующего выступил в поход к западной границе. Живущий в Петербурге художник имел очень мало времени для того, чтобы изучить униформу литовцев. Поэтому, рассматривая акварель Орловского в качестве ценного исторического источника, необходимо учитывать выявленный выше «коэффициент искажения» (Ю. М. Лотман).

11. Волконский С. Г. Записки. Иркутск. 1991. С. 174–175.

12. Врангель Н. Н. Свойства века: Статьи по истории русского искусства. СПб. 2000. С. 61.